

Г. гоня Императора.

Еще о Дерптском и Императорском университетах.

[С-Петербургский Водосвот. № 142. 27. v. 97.].

ESTICA

A2578.

ESTICA

A.2578.

A2578.

Еще о Дерзновенности и Ловкости у иудеев.

Сматривая

Г. Сократ-Демокрит

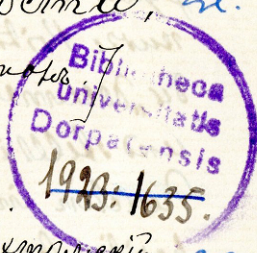
[С. Кемпердурек. Введение, 2т.
№ 142, 27 и 97. Кемпердурек.]

С. Кемпердурек.

Удостоверение Кемпера Д. Д. Удостоверение.

За подписью Д. Д. Семеновского.

Народная энциклопедия, "Восток", Удостоверение.
№ 26. Меморанд № 1868.

3902

Еще о дерптекомъ и юрьевскомъ университетѣ.

Въ №№ съ 90 по 95 «Рижскаго Вѣстника» г. А. Будилевичъ помѣстилъ «нѣсколько документальныхъ справокъ по содержанию отвѣта бывшаго ректора дерптскаго университета ректору юрьевскаго университета» (ср. № 71 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1897 г.), въ видахъ усиленнаго разъясненія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ русской публицистики. Къ сожалѣнію, обширныя справки, помѣщенные на 30 столбцахъ газетнаго фельетона, болѣе способны затемнить животрепещущій вопросъ, чѣмъ содѣйствовать его разъясненію. Это видно изъ литературныхъ пріемовъ автора, который односторонне толкуетъ мои выраженія, усматриваетъ противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, а особенно изъ того впечатлѣнія, которое произвели его документальныя справки на тотъ кругъ читателей, для котораго онѣ главнымъ образомъ написаны. Въ руководящей статьѣ «Рижскаго Вѣстника» (№ 98) напечатано:

«Въ дѣйствительности оказывается, что реформа застала университетъ въ такомъ упадкѣ, что дальше этого едва-ли возможно идти, и что именно съ этого времени начинается не паденіе университета, а его возрожденіе, ставшее возможнымъ лишь послѣ освобожденія его отъ пагубнаго тормазы балтійско-нѣмецкой партійной политики, чуть было не доведшей университетъ до полного разложенія».

Сказанное будетъ оцѣнено по достоинству образованнымъ и безпристрастнымъ читателемъ; опровергать это не стоитъ ужъ потому, что врядъ-ли сами авторы вѣрятъ тому, что писали. Ограничусь поэтому краткими указаніями на нѣкоторые существенные пункты спора.

Исходною точкою полемики является утвержденіе юрьевскаго ректора, что съ 1860 по 1890 г. дерптскій университетъ клонился къ упадку. Противъ этого я указалъ, что такіе факты, какъ: 1) зна-

чительное число выдающихся преподавателей, бывшихъ въ это время въ Дерптѣ и извѣстныхъ въ Россіи и за границею своими научными работами, 2) постоянно возрастающее за это время число слушателей до начала руссификаціи и быстрое, и неуклонное уменьшеніе этого числа послѣ начала ея, 3) весьма значительное число учениковъ дерптскаго университета этого времени, занявшихъ и въ Россіи, и за границею кафедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или заявившихъ себя научными работами,—указываютъ не на упадокъ научнаго значенія университета, а напротивъ на его процвѣтаніе.

Въ подтвержденіе сказаннаго позволю себѣ привести отзывъ о дерптскомъ университетѣ проф. Вирхова, пользующагося не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи, безспорнымъ авторитетомъ по знанію дѣла и по своему безпристрастію. Проф. Вирховъ послѣ рижскаго археологическаго конгресса посѣтилъ Юрьевъ. Вотъ что онъ сказалъ въ рѣчи, произнесенной въ берлинскомъ антропологическомъ обществѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ города Юрьева: *)

«Это былъ тотъ городъ, гдѣ процвѣталъ знаменитый нѣмецкій дерптскій университетъ, въ которомъ во время всего періода моего юношескаго развитія цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ занимался разработкою наукъ, изъ котораго я самъ всегда пріобрѣталъ какъ новые матеріалы для моихъ познаній, такъ и прилежныхъ и самостоятельно работающихъ учениковъ». Со всѣмъ этимъ сразу покончено.

Г. Будиловичъ пользуется своими документальными справками, чтобы описать скудную обстановку нѣкоторыхъ институтовъ, старые директоры которыхъ уже всѣ покоятся подъ сѣнью кладбищенскихъ березъ.

Да, признанія всѣми ученыя работы дерптскихъ институтовъ, имѣвшія столь важное значеніе для науки, совершены при самыхъ скудныхъ учебно-

*) Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin 1896. d. 497. Nordlötändische Zeitung. 1897. № 40.

3.
вспомогательныхъ средствахъ. Въ особенности астрономическая обсерваторія и ботаническій садъ бѣдствовали отъ недостатка средствъ. Даже самое дальнѣйшее существованіе ботаническаго сада было поставлено подѣ сомнѣніе, такъ какъ садъ по своей обширности, съ пальмовою и другими оранжереями для декоративныхъ и экзотическихъ растений, казался болѣе предметомъ роскоши, чѣмъ необходимымъ средствомъ для преподаванія, успѣхъ котораго основывается не столько на систематикѣ, сколько на работѣ анатоміи и физиологіи растений, на каковомъ поприщѣ покойный проф. Руссовъ своими указующими пальцами разслѣдованіями приобрьлъ европейскую извѣстность.

Астрономическая обсерваторія вообще не принадлежитъ къ необходимымъ учебнымъ пособіямъ университета: существуютъ университеты, напр., гейдельбергскій, безъ обсерваторіи. Рефракторъ, въ свое время самый большой въ свѣтѣ, которымъ пользовались Струве, старшій и младшій, для своихъ открытій, давно уже не соответствовалъ современнымъ требованіямъ астрономической науки. Неоднократно повторявшіяся ходатайства совѣта о назначеніи необходимыхъ суммъ были всякій разъ отклоняемы высшимъ начальствомъ. Вотъ почему астрономическая обсерваторія находилась въ томъ плачевномъ состояніи, которое описывается «въ документальныхъ справкахъ».

Физиологическій институтъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе въ медицинскомъ образованіи, также вызвалъ неодобрительный отзывъ преемниковъ по кафедрѣ покойнаго Александра Шмидта. Есть конечно институты, которые снабжены лучшими средствами и болѣе разнообразными инструментами и снарядами для различныхъ опытовъ, — но изъ бѣднаго дерптскаго института вышли работы К. Шмидта и Биддера, давшія медицинской наукѣ совершенно новое направленіе. Профессоръ А. Шмидтъ въ этомъ же институтѣ своими изслѣдованіями сумѣлъ подвинуть трудные и важные вопросы ученія о крови, какъ ни:

кто изъ лицъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи гораздо лучше устроенныя лабораторіи. Главное то, чтобы преподаватель умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ любовь и интересъ къ наукѣ и приучить ихъ къ самостоятельной работѣ; если это ему удалось, хотя бы по отдѣльнымъ вопросамъ, по которымъ онъ спеціально занимается, то цѣль университетскаго преподаванія достигнута. Приучившись разъ къ самостоятельной работѣ, студентъ, окончившій курсъ, уже будетъ въ состояніи дополнить свои знанія собственнымъ трудомъ.

Цѣлью университетскаго преподаванія не можетъ же быть вдалбливаніе въ головы студентовъ заданныхъ уроковъ, какъ этого требуютъ лица, ограничивающія университетское преподаваніе школьными приемами.

Огнотносительно фармацевтическаго института, управление которымъ послѣ долголѣтняго плодотворнаго руководства профессоръ Драгендорфъ нашелъ вынужденнымъ оставить, и который его замѣстителемъ описывается въ самыхъ черныхъ краскахъ, я ограничусь указаніемъ на тѣ теплые отзывы о значеніи профессора Драгендорфа и объ его заслугахъ, которые были выражены столь компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ ученымъ, какъ профессоръ Тихомировъ въ Москвѣ, и другими специалистами.

Г. Будиловичъ говоритъ постоянно объ упадкѣ университета до начала руссификаціи и старается объяснить уменьшеніе числа слушателей разными предположеніями. Въ отвѣтъ на это мы позволимъ себѣ обратить его вниманіе на тотъ факультетъ, въ составъ котораго онъ вступилъ, — историко-филологическій. Главный контингентъ слушателей этого факультета составляли студенты, посвящавшіе себя изученію, съ одной стороны, наукъ экономическихъ, съ другой стороны, — филологіи, лингвистики и исторіи. Политико-экономическое отдѣленіе, организованное, какъ и въ германскихъ университетахъ, въ формѣ спеціальнаго отдѣленія, со времени руссификаціи уничтожено. Затѣмъ съ того же времени прекращено назначеніе лицъ,

получившихъ филологическое или историческое образованіе въ юрьевскомъ университетѣ, въ должности учителей по рижскому учебному округу; мѣры эти увѣнчались такимъ успѣхомъ, что число слушателей этого факультета, достигавшее прежде цифры слишкомъ 200, стало меньше числа его преподавателей.

Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ г. Будиловичу. Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ въ защиту бывшихъ попечителей дерптскаго учебнаго округа, графа Кейзерлинга и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, которыхъ г. Будиловичъ изображаетъ дѣятелями, противодѣйствовавшими намѣреніямъ правительства, ибо «оба они заняли оппозиціонное отношеніе къ правительственному проекту распространенія на юрьевскій университетъ общаго университетскаго устава».

Дѣйствительно нерѣдко упомянутые попечители въ своихъ представленіяхъ расходились съ централизирующими и нивелирующими стремленіями министерства, и весьма часто имѣли въ этомъ успѣхъ. Но подобный образъ дѣйствій истекалъ изъ прямой ихъ обязанности, возложенной на нихъ волею самодержавнаго законодателя, который въ учредительномъ актѣ (12 декабря 1802 г. полн. собр. зак. № 20551) говоритъ: «Учреждаемъ на вѣчныя времена для Имперіи нашей, а въ особенности для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской университетъ, коего существованіе опредѣляемъ въ городѣ Дерптѣ, и какъ столь пріятно нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, то посему и приедемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту». Поэтому попечитель, какъ государственный дѣятель, прежде всего долженъ познакомиться съ мѣстными потребностями края и при каждой мѣрѣ центрального правительства, которому мѣстные условия и потребности не могутъ быть извѣстны въ подробностяхъ, обязанъ былъ сообразить, какъ отзовется эта мѣра на мѣстныхъ нуждахъ и условіяхъ края. Его главная обязанность руководить учебнымъ дѣломъ такъ, чтобы оно

6.
достигало высшихъ результатовъ, соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ. Кто видитъ въ попечителѣ простаго исполнителя министерскихъ предписаній, тотъ низводитъ его съ роли государственнаго дѣятеля къ роли исполнительнаго чиновника.

Графъ Кейзерлингъ пользовался довѣріемъ Императора Александра II въ высокой степени, и подъ его управленіемъ учебное дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлало значительные успѣхи. Но когда стремленія въ правительственныхъ сферахъ приняли другое направленіе, при которомъ интересы учебнаго дѣла должны были уступать иному постороннимъ политическимъ цѣлямъ, онъ не оппозировалъ, а подалъ въ отставку, потому что не допускалъ компромиссовъ съ собственными убѣжденіями. Онъ дѣйствовалъ лояльно, какъ честный человѣкъ.

Попечитель фонъ-Брадке въ продолженіе 50-ти лѣтней службы, посвященной почти исключительно внутреннимъ губерніямъ Россіи, снискалъ себѣ уваженіе своихъ монарховъ и приобрѣлъ на всѣхъ поприщахъ многообразной своей дѣятельности любовь и уваженіе всѣхъ лицъ, съ коими онъ находился въ служебныхъ отношеніяхъ. По назначеніи попечителемъ въ Дерптъ, онъ не имѣлъ никакого повода отстаивать особенности дерптскаго университета противъ попытокъ къ ихъ отмѣнѣ, такъ какъ таковыхъ въ то время не существовало.

Призванный довѣріемъ Государя въ председатели комиссіи для составленія новаго общаго устава университетовъ, утвержденнаго затѣмъ въ 1863 г., онъ считалъ по своему убѣжденію необходимымъ и цѣлесообразнымъ составить для дерптскаго университета особый уставъ и его представленіе объ этомъ утвержденно было Государемъ Императоромъ. Воля Государя ясно выражена въ утвержденіи особаго устава дерптскаго университета 1865 г. Напрасно г. Будиловичъ принялъ на себя роль судьи надъ политическою дѣятельностью фонъ-Брадке; она оцѣнена по достоинству самимъ самодержавнымъ монархомъ, въ царствованіе котораго фонъ-Брадке кончилъ

свое жизненное и служебное поприще. Оцѣнка заключается въ Высочайшемъ рескриптѣ, котораго удостоился фонъ-Брадке въ день пятидесятилѣтія его службы отъ Государя Императора Александра II. Рескриптъ этотъ составленъ при тогдашнемъ директорѣ департамента министерства народнаго просвѣщенія, нынѣшнемъ министрѣ, графѣ И. Д. Деляновѣ, и въ свое время опубликованъ:

«Въ настоящемъ году совершилось пятидесятилѣтіе дѣятельной и полезной службы вашей государству. Начавъ ее на военномъ поприщѣ, вы подвигами личной храбрости и благоразумной распорядительности обратили на себя вниманіе въ Божѣ почившаго Родителя Нашего. Въ послѣдствіи, бывъ призваны Имъ къ занятію должности попечителя кievскаго учебнаго округа, вы съ неутомимою дѣятельностью приводили въ исполненіе предначертанія правительства касательно образованія кievскаго университета и управляли университетомъ и округомъ съ попечительностью отца, не слабаго и потворствующаго порывамъ страстей и дурнымъ наклонностямъ, но твердаго, постоянно заботящагося о направленіи юношества къ нравственному совершенству. То же пламенное усердіе къ исполненію долга руководило вами при прохожденіи службы въ должности директора департамента сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ и въ званіи сенатора. Заботливостью и просвѣщенною опытностью вашею въ исполненіи обязанностей по управленію дерптскимъ учебнымъ округомъ вы совершенно оправдали ожиданія Наши. Въ справедливомъ вниманіи къ заслугамъ вашимъ, желая ознаменовать полувѣковую достохвальную дѣятельность вашу изъявленіемъ особеннаго Монаршаго благоволенія, Всемиловитѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени» и т. д.

Г. фонъ-Эттингенъ.
